

И. А. ГУЛЬЯНОВ И ЕГО НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Египтолог, дерзнувший полемизировать с Ж.-Ф. Шампольоном, автор трудов, не признанных специалистами и тем не менее обративших на себя внимание ряда прогрессивных деятелей в России и Европе, ученый, целиком отдавший жизнь научным занятиям и преданный забвению слишком скоро, друг П. Я. Чаадаева, Т. Н. Грановского, М. П. Погодина, наконец, человек, которому А. С. Пушкин посвятил стихотворение, — такова характеристика Ивана Александровича Гульянова (1786–1841), ныне почти забытого в истории отечественной науки¹.

Настоящая статья написана на основании изучения прежде всего личного фонда И. А. Гульянова², а также других рукописных собраний, содержащих сведения о нем³. В результате исследования каталогов, справочного аппарата, работ, переписки оказалось возможным привести данные о трудах этого ученого, большая часть которых в настоящее время не введена в научный оборот⁴.

Вопрос о происхождении И. А. Гульянова содержит много загадок и недомолвок. Среди его бумаг сохранился любопытный «аттестат», составленный 12 мая 1805 г. в Москве, за подписью и печатью князя А. Маврокордато. Князь свидетельствовал, что Иван Гульянов принадлежит к дворянскому роду Молдавии и связан родственными узами с его собственной семьей и что, перейдя под покровительство России, он привез с собой этого «сироту», о котором более некому было позаботиться⁵.

Александр Иванович Маврокордато (1754–1819) с января 1785 по декабрь 1786 г. занимал пост господаря Молдавии. Его женой была дочь валашского князя Зафира Караджи⁶. Имя Гульянова и особенно его отчество, свидетельства ряда лиц, его переписка с родными — все это позволяет утверждать, что названные супруги были его родителями. Однако по неизвестным причинам отец официально не признавал его своим сыном и присвоил ему фамилию своей матери Марии Гулианос⁷. В России А. И. Маврокордато вторично женился на графине Александре Львовне Санти и имел от этого брака двух дочерей⁸. Наиболее тесные связи в течение всей жизни И. А. Гульянов поддерживал с сестрой Екатериной Александровной Маврокордато, которая жила «в собственном доме на Лубянке». Здесь он всегда останавливался, посещая Москву. В этом доме бывали его друзья, хранились его книги, рукописи. Сестра выполняла поручения брата, в письмах сообщала ему новости⁹. Принятый в литературе год рождения И. А. Гульянова — 1789-й — вызывает большие сомнения. Если он, как утверждает А. И. Маврокордато, родился в Молдавии, то это могло произойти не позднее 1786 г. Именно эта дата рождения приведена в его послужном списке от 1819 г.¹⁰ Ее-то и следует считать наиболее вероятной.

¹ Краткую биографию И. А. Гульянова см.: Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения, составленные по определению Отделения академиком П. А. Плетневым. СПб., 1852. С. 45–47.

² Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, ф. 390, оп. 1 (далее Ф. 390).

³ Центральный гос. исторический архив, ф. 735, оп. 2, од. хр. 33 (далее ЦГИА, ед. хр. 33); Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее ААН), ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14; ф. 85, оп. 3, ед. хр. 31; ф. 89, оп. 2, ед. хр. 38; ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32; Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (далее РОИРЛИ), ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1738; ф. 288, оп. 1, ед. хр. 174; ф. 590, оп. 1, ед. хр. 64; ф. 636, оп. 2, ед. хр. 7. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее ОРГПБ), ф. 542, ед. хр. 1036.

⁴ В работе Т. Н. Козьминой-Бороздиной «Развитие египтологии в России» приведены три работы И. А. Гульянова. Название четвертой дано неверно. См.: «Новый Восток». 1923, кн. 3. С. 344.

⁵ Ф. 390, ед. хр. 1, л. 1. Ср.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 2. СПб., 1896. С. 579.

⁶ E. Legrand. Genéalogie des Maurokordato. P., 1900. P. 20–21.

⁷ Ф. 390, ед. хр. 1, л. 2–3.

⁸ РОИРЛИ, ф. 187, оп. 1, ед. хр. 26, л. 1; Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 7. СПб., 1882. С. 396; Остафьевский архив князей Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. Т. 1. СПб., 1899. С. 584; И. Ф. Токмаков. Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского Московской губернии и уезда. 1398–1898. М., 1898. С. 31.

⁹ Ф. 390, ед. хр. 33, л. 2, 46; ед. хр. 34, л. 183 и др.; ед. хр. 35. л. 11 об., 148–151, 153; ед. хр. 42, л. 124–127; ААН, ф. 85, оп. 3, ед. хр. 31.

¹⁰ Ф. 390, ед. хр. 1, л. 4–4 об.

С юных лет И. А. Гульянову приходилось надеяться на собственные силы и предприимчивость. 31 июля 1805 г. он поступил на службу в Коллегию иностранных дел (КИД)¹¹. Ровно через месяц он был прикомандирован в качестве студента к русской миссии в Константинополе, где находился до 1 сентября 1808 г. В 1811 г. И. А. Гульянов получил должность младшего помощника экспедиции консульских дел, созданной при министре в 1809 г. 12 марта 1812 г. он был назначен переводчиком при миссии в Палермо. С 16 июня 1817 г. работал в самой КИД и ее Московском главном архиве. Затем был послан с архивными бумагами в Аахен (1818 г.)¹². В эти же годы И. А. Гульянов побывал в Гааге, Дрездене, Париже, Италии, на островах Мальте и Сицилии.

Не получив систематического образования, именно во время этих поездок по странам Европы и Ближнего Востока он «по врожденной любознательности» приобрел «множество сведений касательно древностей и филологии»¹³. Особенно важно, что, находясь при русских миссиях, И. А. Гульянов познакомился с рядом западноевропейских и восточных языков. Он в разной степени владел французским (на нем написана большая часть его работ), английским, немецким, греческим, латинским. В своих исследованиях он использовал древнееврейские, китайские, коптские, «индийские» и другие тексты. Несомненно, он был знаком со славянскими языками. Основными темами его занятий были египтология и общее и сравнительное языкознание.

В рассматриваемый период помощь и поддержку И. А. Гульянову оказывали чл.-кор. (1809) Императорской Академии наук (АН) по разряду истории и древностей Федор (Фридрих) Павлович Аделунг (1768–1843), российский дипломат (1809–1827) и почетный член АН (1818) Иван (Иоаннис) Антонович Каподистрия (1776–1831), президент (1813–1841) Императорской Российской Академии (РА)¹⁴ Александр Семенович Шишков (1754–1841). Знакомство с первым из них состоялось не позднее 1820 г.¹⁵ и не прекращалось долгие годы. Вторым был его непосредственным начальником по КИД. Через И. А. Гульянова И. А. Каподистрия передал в РА записи Екатерины II, связанные с составлением «Сравнительного словаря всех языков и наречий»¹⁶. По предложению третьего И. А. Гульянов 21 мая 1821 г. был избран действительным членом РА¹⁷. Поводом к этому послужили «отличные упражнения его в исследовании начал и правил как русского, так и других языков; приобретенные им немалые знания и оказанные в том благоуспешные опыты, прямо к академическим знаниям и упражнениям относящиеся»¹⁸.

Став академиком, И. А. Гульянов целиком посвятил себя науке. 18 июня 1821 г. на заседании РА он произнес речь, в которой попытался выделить общие правила создания языков и их развития и которая в том же году была опубликована в Петербурге¹⁹, а в 1822 г. — в Париже²⁰. Эта публикация «чрез посредство наших посланников» была разослана в европейские и восточные научные общества; «многие отозвались об ней с похвалою»²¹. Французские ученые отметили смелость исследователя, взявшегося за исполнение подобного плана, а также его способности и осведомленность в вопросах грамматики²².

¹¹ Вероятно, в связи с поступлением на службу и был составлен А. И. Маврокордато названный выше «аттестат».

¹² Ф. 390, ед. хр. 1, л. 4–5.

¹³ Отчеты Императорской Академии наук... С. 46.

¹⁴ Императорская Российская Академия была создана в Петербурге в 1783 г. как центр по изучению преимущественно русского языка и литературы. В 1841 г. РА была преобразована в отделение АН.

¹⁵ ААН, ф. 89, оп. 2, ед. хр. 38, л. 1.

¹⁶ О некоторых постановлениях и происшествиях в Российской Академии. — «Известия Российской Академии». СПб., 1822, Кн. 10. С. 16–17.

¹⁷ Ф. 390, ед. хр. 2, л. 1.

¹⁸ О некоторых постановлениях и происшествиях в Российской Академии. С. 4.

¹⁹ Речь о образовании и существе языков, читанная в Академии Российской... И. А. Гульяновым 18 июня 1821 г... СПб., 1821. Изложение речи приведено в кн.: С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России Т. 1. СПб., 1904. С. 599–608.

²⁰ Рукопись этой работы см.: Ф. 390, ед. хр. 8, 193 л.

²¹ ААН, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14, л. 1 об.; «Известия Российской Академии». 1823, кн. 11. С. 4, 5.

²² Об ученых трудах г. Гульянова. — «Русский зритель». М., 1828, № 3–4. С. 282.

Свою речь автор рассматривал как начало обширного исследования, где он собирался изложить «образование всех языков и первоначальное оных сложение, правила законных изменений первобытного языка и способ привести все языки к общему их началу»²³. В его фонде сохранилось несколько рукописей, посвященных данной теме: «Краткое начертание законов образования слова», «О различных письменах», «О разуме языков и о связи понятий», «Взгляд на древние азбуки и на первородные звуки языков»²⁴, а также материалы «по сравнительной лингвистике» арабского, сирийского, древнееврейского, армянского, латинского, греческого, немецкого языков и наречий Африки, Восточной Индии, Полинезии, Южной Америки²⁵. Он составил «изрядное количество словарей, почерпнутых из редких книг и путешествий к необразованным племенам различных частей света»²⁶. В процессе работы он использовал современную ему литературу: «Грамматику бразильского языка», «Словарь карайбско-французский» Раймонда Бретона, «Словарь латино-индусско-французский» Франсуа Мари де Тура²⁷. Изучая данные по самым различным языкам, ученый стремился определить «единую систему алфавитов», т. е. вскрыть законы образования слов, истоки, общие для возникновения любого языка²⁸. В начале 1824 г. в Париже вышла книга, которую сам И. А. Гулянов считал итогом всех своих исследований «об образовании языков»²⁹.

Не раз исследователь привлекал внимание общественности к необходимости изучения славянских языков. «Пространство России, — писал он, — объемлет три Европы, а просвещенная Европа, простирая гордые свои взоры за тридевять земель в тридесятые царства, презирает словесность народа ей прикосновенного»³⁰. И. А. Гулянов не только ценил русскую литературу, но и призывал собирать фольклорные произведения — сокровищницу народного языка. Приветствуя создание «Сравнительного словаря всех славянских наречий», он вместе с тем доказывал, что его следует «обогащать дополнением речений, в народе употребляемых, ибо словарь не достоин сего имени, если оный заключает те только речения, кои известны по книгам и употребительны в столице. Словарь должен быть зеркалом языка народа, а не общества, которое в отношении к народу то же, что капля в море»³¹. Неопубликованными остались статьи И. А. Гулянова по славяноведению: «Взгляд на слово русское» и «О всеобщем словоизучении в приложении к славянорусскому наречию»³².

Непосредственным продолжением изучения языков стал интерес ученого к палеографии, археологии³³. Многословность, усложненность изложения, налет мистики затрудняют восприятие его теоретических рассуждений, однако его научные идеи отражают определенный этап в истории становления отечественного языкознания, а накопленные им материалы используются современными исследователями.

Весной 1822 г. И. А. Гулянов уехал в Париж. Находясь во Франции, он с большой охотой и старанием выполнял различные поручения РА. Он доставил во французскую Академию надписей и изящной словесности девять книжек «Известий Российской Академии»³⁴. Для того чтобы ближе познакомиться с деятельностью парижского Азиатского общества, он в 1823 г. стал его членом-подписчиком³⁵. И. А. Гулянов неоднократно присылал в Петербург для академической типографии образцы греческих, немецких, французских литер, мат-

²³ ААН, ф. 8, оп. 5, од. хр. 14, л. 4.

²⁴ Ф. 390, ед. хр. 6, 9, 11, 13, 14.

²⁵ Там же, ед. хр. 19, 20 и др.

²⁶ Там же, ед. хр. 2, л. 32 об.; ед. хр. 21–23, 25–27.

²⁷ Там же, ед. хр. 24, 28 (копии).

²⁸ Там же, ед. хр. 12, 15, 16 и др.

²⁹ Там же, ед. хр. 2, л. 32. Речь идет о кн.: *Etude de l'homme dans la manifestation des ses facultes*. P., 1824.

Ср.: Остафьевский архив князей Вяземских... Т. 1. С. 8.

³⁰ РОИРЛИ, ф. 636, оп. 2, ед. хр. 7, л. 2.

³¹ Там же, л. 4–4 об.

³² Ф. 390, ед. хр. 17, 18.

³³ Там же, ед. хр. 10, 44, 43.

³⁴ ААН, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14, л. 4 об.

³⁵ Ф. 390, ед. хр. 2, л. 15. И. А. Гулянов также поддерживал связи с Американским философским обществом (см.: там же, л. 13).

риц, шрифтов и книжных украшений³⁶. Через него РА приобретала за границей литературу по языкознанию. Он рекомендовал ей «дельного книгопродавца», Пьера Дюфара, который должен был закупать «полезных книг ежегодно на сто или двести рублей»³⁷. Среди других материалов он переслал в Россию «Мнение Клапрота об осетинцах», «грубое письмо Луидора против Аделунга», «две первые части сравнительного словаря, издаваемого в Вене под названием Tripartitum»³⁸. Принося конкретную пользу РА, он также был посредником в налаживании связей российских ученых с зарубежными коллегами.

И. А. Гулянов прожил во Франции пять лет. Официально он в это время числился сверхштатным сотрудником посольства в Гааге, однако, с разрешением не находиться здесь и заниматься исключительно наукой. В декабре 1826 г. ему было предписано покинуть Париж. В Россию он вернулся в июне 1827 г. и 4 июля представил отчет о своих исследованиях³⁹. В том же году закончилась его служба в КИД, и он был определен чиновником особых поручений при министре просвещения⁴⁰. Эта должность была закреплена за ним до его смерти в 1841 г. В действительности круг его занятий по-прежнему ограничивался научными изысканиями, и, чтобы продолжить их, он добивался очередной командировки в Западную Европу. При решении этого вопроса, возможно, не последнюю роль сыграла поддержка А. Гумбольдта.

Немецкий ученый-энциклопедист Александр Гумбольдт (1769–1859) интересовался деятельностью И. А. Гулянова. В 1827 г. он через русского посланника в Вене Карла Андреевича Поццо ди Борго (1764–1842) хлопотал о продолжении его научных занятий за границей⁴¹. Впоследствии А. Гумбольдт и И. А. Гулянов состояли в переписке. Из нее сохранились шесть писем за 1831–1840 гг. Два письма А. Гумбольдта⁴² от 13 декабря 1832 г. и от 13 июня 1840 г. содержат положительные отзывы о работах И. А. Гулянова «Зодиак»⁴³ и «Археология Египта»⁴⁴. Четыре ответных письма за 1832–1840 гг. посвящены описанию научных интересов русского ученого⁴⁵.

Осенью 1827 г. министерство народного просвещения предоставило И. А. Гулянову двухгодичную командировку в Германию. В ноябре он выехал в Дрезден, где пробыл до осени 1829 г. Программа его пребывания здесь включала занятия по общему языкознанию, археологии, славянским⁴⁶, египетскому, китайскому⁴⁷ и другим языкам.

Находясь в Германии, И. А. Гулянов поддерживал связи с европейскими славяноведами. Сохранилось письмо к нему от 9 февраля 1828 г. библиотекаря пражского Народного музея, известного собирателя и исследователя славянских источников Вацлава (Вроцлава) Ганки (1791–1861)⁴⁸. Из письма выясняется, что, невзирая на слезку и препятствия со стороны австрийского правительства, В. Ганка поддерживал «драгоценнейшую дружбу» с учеными России, интересовался их работами, предлагал свою помощь. В частности, речь здесь шла о работе Кеппена «Собрание словенских памятников, находящихся вне России»⁴⁹. Статистик

³⁶ ААН, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14, л. 1; «Известия Российской Академии». Кн. 11. С. 5.

³⁷ ААН, ф. 8, оп. 5, ед. хр. 14, л. 4 об. «Корреспондентом» П. Дюфара был владелец книжного магазина в Петербурге Сен-Флоран (ОРГПБ, ф. 542, ед. хр. 1036, л. 2).

³⁸ РОИРЛИ, ф. 636; оп. 2, ед. хр. 7, л. 3–3 об. О Г.-Ю. Клапроте подробнее сказано далее. Дополнительных сведений о Луидоре найти не удалось.

³⁹ Ф. 390, ед. хр. 2, л. 22–23.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 1, л. 95.

⁴¹ Там же, ед. хр. 42, л. 137–140 (копия письма А. Гумбольдта).

⁴² Там же, ед. хр. 39, л. 223–225 об.

⁴³ См.: Гулянова замечания о Дендерском зодиаке в письме к издателю «Телескопа». М., 1831.

⁴⁴ См.: *Archeologie Egyptienne*. Lpz., 1839.

⁴⁵ Ф. 390, ед. хр. 34, л. 69–74.

⁴⁶ Занятиям И. А. Гулянова языкознанием способствовал почетный член РА (1828) греческий священник Константин Экономос (1780–1857), занимавшийся вопросами «сродства» греческого и славянских языков.

⁴⁷ Вероятно, к этому периоду относится написание им статьи «О языке и словописании китайцев» (Ф. 390, ед. хр. 5).

⁴⁸ Там же, ед. хр. 35, л. 35–36.

⁴⁹ Вып. 1. СПб., 1827.

и этнограф Петр Иванович Кеппен (1793–1864) вначале собирал славянские рукописи на территории России, затем по предложению и на средства известного коллекционера и почетного члена РА (1819) Николая Петровича Румянцева (1754–1826) он совершил с той же целью путешествие по Германии, Польше, Венгрии, Италии и Франции. Славянские памятники, собранные в Германии, составили первый выпуск его названной работы.

В конце 1829 г. И. А. Гулянов приехал в Россию, намереваясь продлить командировку и вернуться в Дрезден, где он оставил свои материалы и библиотеку. Однако дело застопорилось, и он более двух лет прожил в Москве, не получая жалованья и беспокоясь о судьбе своих работ, оставшихся в Германии⁵⁰.

В московский период своей жизни И. А. Гулянов имел интереснейший круг знакомств. Многие выдающиеся общественно-политические и культурные деятели России были в числе его друзей, поддерживали его научную деятельность, которая в это время сосредоточилась в области изучения Египта. В архивах и литературе остались сведения о его деловых и дружеских связях с П. Я. Чаадаевым, М. П. Погодиным, Н. И. Надеждиным, Н. И. Гречем и др.

Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) в 1823–1826 гг. с целью завершения образования совершил поездку по странам Западной Европы, во время которой, вероятно, и познакомился с И. А. Гуляновым, находившимся в Париже. В последующие годы они переписывались. В ГИМ хранятся два письма П. Я. Чаадаева к И. А. Гулянову⁵¹. Они не датированы. Содержание касается только бытовых подробностей, но общий их тон свидетельствует о доверии этих людей друг к другу. Об И. А. Гулянове, «с уважением упомянутом в толстом томе... потрясем пирамиды в их основаниях», о своей дружбе с ним пишет П. Я. Чаадаев А. С. Пушкину в марте–апреле 1829 г.⁵²

8 июля 1830 г. И. А. Гулянов стал сотрудником журнала «Московский вестник». Его издатель, известный историк и публицист Михаил Петрович Погодин (1800–1875) «чрезвычайно заинтересовался» гуляновской теорией о «происхождении языка». Он «подстрекал» ученого «к окончанию прекрасных трудов» и заказал ему для своего журнала статью «О сродстве языка славянского с языком Хама». Их тесное сотрудничество прервалось с отъездом И. А. Гулянова в 1832 г. в Дрезден⁵³.

С журналистом и писателем Николаем Ивановичем Гречем (1787–1867) И. А. Гулянова связывали давние дружеские отношения. Их переписка наполнена сведениями о подготовке, редактировании и издании трудов по египтологии, об обмене литературой, о новостях науки, об общих знакомых⁵⁴. И. А. Гулянов посылал Н. И. Гречу свои работы, обращался к нему с деловыми просьбами, передал ему свои материалы по составлению русской азбуки⁵⁵.

В Москве И. А. Гулянов познакомился с историком искусств редактором журнала «Телескоп» Николаем Ивановичем Надеждиным (1804–1856). Причиной их встречи и последующей переписки⁵⁶ было стремление первого сотрудничать в названном журнале. В сентябре 1831 г. он обращался в редакцию с просьбой напечатать отрывок из готовящегося им исследования о происхождении языков. В том же году он издал работу «Замечания о Дендерском зодиаке», являющуюся откликом на одну из статей «Телескопа»⁵⁷. Уехав за границу, И. А. Гулянов продолжал присылать Н. И. Надеждину сообщения о новинках зарубежной литературы.

⁵⁰ Ф. 390, ед. хр. 2, л. 55.

⁵¹ Там же, ед. хр. 41, л. 240–241.

⁵² Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. Т. 1. М., 1913. С. 73; т. 2, 1914. С. 106. См. также: Пушкин. Полное собрание сочинений. [В 16-ти томах]. Т. 14. [Л.], 1941. С. 44.

⁵³ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. СПб., 1890. С. 38, 126; «Русский архив». М., 1882, кн. 6. С. 152, 167, 178.

⁵⁴ Ф. 390, ед. хр. 33, л. 2–3 об.; ед. хр. 35, л. 40–41; РОИРЛИ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 64, л. 1–2 об.

⁵⁵ Русская азбука, изданная Николаем Гречем. — «Библиотека для чтения». СПб., 1847, т. 80. С. 32.

⁵⁶ Ф. 390, ед. хр. 33, л. 9–10, 22–24; ед. хр. 36, л. 1–2.

⁵⁷ Подробнее о статье сказано ниже.

Среди его московских знакомых и корреспондентов мы встречаем и других деятелей, оставивших заметный след в русской литературе. Это поэты Д. В. Веневитинов (1805–1827) и Ф. И. Тютчев (1803–1873), писатели Д. Н. Свербеев (1799–1874), А. С. Хомяков (1804–1860), П. В. Киреевский (1808–1856), И. В. Киреевский (1806–1856), Н. А. Мельгунов (1804–1867). С некоторыми из них И. А. Гулянов встречался ранее за границей, с другими сошелся во время двухгодичного пребывания в Москве. Он живо интересовался литературными новостями, был гостем модных собраний и кружков. Известная меценатка и хозяйка литературно-художественного салона княгиня Зинаида Волконская (1792–1862) в 1829 г. опубликовала «Сновидение», которое написано в форме письма к И. А. Гулянову и в котором приводится ироническое толкование происхождения египетских иероглифов⁵⁸.

В августе 1831 г. после поездки по Болгарии и Румынии в Москву приехал археолог и этнограф Юрий Иванович Венелин (Хуц) (1802–1839), который «нашел новые следы происхождения славянского народа». Встретить и «дружески принять» его было поручено И. А. Гулянову⁵⁹.

Тесные связи И. А. Гулянова с «литературно-светской», по выражению А. И. Герцена, Москвой способствовали тому, что среди его бумаг «отложилось много любопытного» из того, что «принадлежит русской литературе»⁶⁰. Особо следует отметить событие, которое навсегда связало его имя с историей изучения жизни и творчества А. С. Пушкина и которому мы обязаны рождением одного из лучших пушкинских стихотворений. Узнав о помолвке поэта с Н. Н. Гончаровой в мае 1830 г., И. А. Гулянов 15 июня откликнулся на это анонимными стихами. По одним сведениям, он отправил послание непосредственно А. С. Пушкину, который был «до глубины души расстроен словом доброжелательства человека, ему совершенно постороннего»⁶¹; по другим — он его «без имени напечатал где-то»⁶². Автограф стихотворения неизвестен. Содержание его частично приведено первым биографом А. С. Пушкина — П. В. Анненковым, который отмечал, что в авторе «многие отгадывают ученого нашего египтолога г. И. А. Гулянова» и что его стихи, где «благородная мысль и жаркое сочувствие к таланту поэта заменяют всякое другое достоинство», являются примером того, как «поэт наш своим прикосновением возвышал до себя, до собственного гения чужую мысль»⁶³.

Приведенные данные дополняются новыми свидетельствами из фонда И. А. Гулянова. Здесь сохранился корректурный лист какого-то журнала с текстом стихотворения и следующим примечанием редакции: «Невольное изливание чувствований одного из знаменитейших русских ученых». Примечание было зачеркнуто автором и в заглавии вместо «Ода Пушкину» оставлено одно слово «Пушкину»⁶⁴. Таким образом, авторство И. А. Гулянова и факт издания стихотворения при его жизни получили документальное подтверждение. Первоначальный вариант текста⁶⁵, судя по корректуре, был автором значительно сокращен.

И. А. Гулянов искренне восхищался талантом А. С. Пушкина, которого он называл певцом «высоким, знаменитым, волшебным», выражал сожаление, что новые заботы отвлекут его «от Олимпа, где цвел его гений», и желал поэту «на лоне дружбы отдохнуть». В благодарность за добрые пожелания А. С. Пушкин написал «Ответ анониму». Судя по датировке белого автографа этого произведения, «чудный ответ Пушкина» был написан

⁵⁸ «Галатей». М., 1829, № 22. С. 21–31.

⁵⁹ Ф. 390, ед. хр. 35, л. 37.

⁶⁰ П. Л. Вяземский. Несколько слов о г. Гулянове и трудах его. — Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Т. 1, 1878. С. 217.

⁶¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 3. С. 37.

⁶² П. А. Вяземский. Несколько слов о г. Гулянове... С. 217; «Русский архив». 1882, кн. 6. С. 155.

⁶³ П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Кн. 3. СПб., 1873. С. 239–240.

⁶⁴ Ф. 390, ед. хр. 46, л. 102.

⁶⁵ Первый вариант стихотворения был опубликован после смерти И. А. Гулянова М. П. Погодиным. См.: «Москвитянин». М., 1842, ч. 2, № 3. С. 151–152.

26 сентября 1830 г. в селе Болдино⁶⁶. На экземпляре этого стихотворения, переписанного рукой И. А. Гульянова⁶⁷, последним помечено: «Стихи сии напечатаны в первый раз в "Северных цветах" 1831 г.⁶⁸, а потом в 3-ей части стихотворений Александра Пушкина 1832 г.⁶⁹».

Среди московских знакомых И. А. Гульянова, названных выше, было немало лиц из пушкинского окружения. Поэтому не вызывает удивления факт их знакомства. Об интересе поэта к деятельности ученого свидетельствует любопытный документ. И. А. Гульянов бережно сохранил рисунок А. С. Пушкина, на котором последний изобразил пирамиду, а первый оставил пояснительную надпись: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время беседы, которая состоялась этим утром о моих работах вообще и о написании иероглифов в частности. Москва, 13/25 декабря 1831 г.»⁷⁰. Возможно, эта встреча была не единственной⁷¹.

Интерес А. С. Пушкина, П. Я. Чаадаева, М. П. Погодина и других представителей образованного русского общества к исследованиям И. А. Гульянова по египтологии не случаен. 20–30-е годы XIX в. — период усиленного изучения исторического прошлого долины Нила.

Этому способствовали введение в научный оборот древних египетских текстов, собранных во время похода Наполеона в Египет, и особенно издание в 1822 г. работы Ж.-Ф. Шампольона «О египетском иероглифическом алфавите».

Жан Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский египтолог, автор системы чтения египетских иероглифов, ныне признанной широким кругом специалистов. Вначале же Ж.-Ф. Шампольону приходилось отстаивать свое открытие среди целой бури споров и опровержений; в числе его оппонентов и критиков в разные периоды были Т. Юнг, Ф.-А. Шпон, А. Гумбольдт, Г.-Ю. Клапрот, С. де Саси, Ж.-А. Летрон, Р. Рошетт и др.

И. А. Гульянов был одним из противников французского египтолога: с неизменной настойчивостью он критиковал его работы, пытаясь создать собственный метод чтения иероглифов⁷². Рукописи трудов, переписка и другие материалы его фонда, ранее неизвестные исследователям, рисуют картину полемики с Ж.-Ф. Шампольоном, сообщают факты и имена людей, оказавшихся причастными к истории данного вопроса. Интерес И. А. Гульянова к Египту, к археологическим раскопкам в этом районе, к расшифровке египетских иероглифов зародился в юности. В 1804 г., когда ему еще не было и 20 лет, он первым по времени опубликовал разбор иероглифической надписи розеттского памятника⁷³. Начало его полемики с Ж.-Ф. Шампольоном относится к первой половине 20-х годов. 22 февраля 1822 г. граф Сергей Петрович Румянцев (1753–1838) сообщал Николаю Михайловичу Карамзину (1766–1826) «любопытные сведения» о И. А. Гульянове, «который препирается с Шампольоном о египетских иероглифах»⁷⁴. 4 декабря 1824 г. некий С. Корсаков упоминал в письме о «схватке» этих двух ученых⁷⁵.

Первая работа И. А. Гульянова, посвященная критике теории Ж.-Ф. Шампольона, вышла в Париже в 1826 г. В России откликом на нее была рецензия Петра Андреевича Вяземского (1792–1878). Как журналист и литературный критик, он обратил внимание читателей на эту работу. По его словам, автор, с одной стороны, отметил «внутреннее достоинство»,

⁶⁶ Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 3, ч. 2. М., 1949. С. 841.

⁶⁷ Ф. 390, ед. хр. 46, л. 92.

⁶⁸ «Северные цветы на 1831 год». СПб., 1830. С. 28–29 (раздел «Поэзия»).

⁶⁹ Стихотворения Александра Пушкина. Ч. 3. СПб., 1832. С. 58–59. См. также: Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 3, ч. 1. 1948. С. 229.

⁷⁰ Этот рисунок до 1966 г. находился в фонде И. А. Гульянова, а затем был передан в Институт русской литературы АН СССР (РОИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1738, л. 1); Р. Е. Теребенина. Новые поступления в Пушкинский рукописный фонд. — «Временник Пушкинской комиссии. 1965». Л., 1968. С. 14–19.

⁷¹ Р. Е. Теребенина. Новые поступления... С. 14–15.

⁷² Н. Hartleben. Champolion. Sein Leben und Werk. Т. 1. В., 1906. С. 461–462, 490, 494; т. 2. С. 88, 91, 113, 133, 135, 148.

⁷³ Th. Ausonioli (Goulianoﬀ). Analyse de l'inscription hieroglyphique du monument de Rosette. Dresden, 1804. Второе издание этой книги вышло во Флоренции.

⁷⁴ Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича. — «Русская старина». СПб., 1874, т. 11. С. 60.

⁷⁵ Ф. 390, ед. хр. 35. л. 76.

«гармонию выводов» и «бессомненный талант» французского египтолога, с другой стороны, он «несомнительно уличил» противника «во многих противоречиях и ложных догадках». В заключение рецензент писал; «Не позволяем себе быть решителями в этой тяжбе, тем более что не имеем перед глазами всех фактов; но, без сомнения, каждому русскому приятно будет знать, что наш земляк подает голос в деле, занимающем ныне ученую Европу, и видеть, что он не без некоторых прав входит в состязание с столь знаменитым соперником, каков Шампольон»⁷⁶.

Во французской печати также появился отзыв на указанную работу И. А. Гульянова, подписанный инициалами А. М. и несомненно принадлежащий перу самого Ж.-Ф. Шампольона⁷⁷. Критикуя оппонентов, он, в частности, не соглашался «разделить всю честь новейших открытий» с англичанином Юнгом⁷⁸ на том основании, что его рассуждения не приблизили нас к объяснению письменных египетских памятников. Говоря о своих дальнейших планах, рецензент упоминал составление египетских грамматики и словаря, изучение источников и «посредством этого возрождения во всеобщей истории целого народа»⁷⁹.

В последующие годы сложился своеобразный союз против Ж.-Ф. Шампольона — союз И. А. Гульянова с немецким востоковедом Генрихом Юлием Клапротом (1783–1835). Познакомившись около 1827 г., они постоянно переписывались почти десять лет⁸⁰. Большинство писем посвящено сообщениям о трудах, об обмене ими, об откликах на них в печати, о пересылке литературы, о деловых связях. Постоянное внимание в этой переписке уделяется событиям жизни Ж.-Ф. Шампольона, будь то выход его новой работы, отзывы на нее, его поездка в Египет или его кончина. Сведения, приведенные в письмах, дополняют историю полемики ряда ученых с французским египтологом.

В 1827 г. И. А. Гульянов сообщил Г.-Ю. Клапроту о своих «занятиях иероглифами»⁸¹. Последний опубликовал работу, написанную в форме «письма» к русскому египтологу, «методой» которого он пользовался в своих исследованиях⁸².

10/22 апреля 1828 г. И. А. Гульянов писал Г.-Ю. Клапроту, что сомнения в отдельных, причем одних и тех же, деталях системы Ж.-Ф. Шампольона высказывали Блакас и Тургенев⁸³. Имя первого среди критиков известного египтолога несколько неожиданно, так как меценат герцог Блакас д'Ольп (1770–1839) покровительствовал ему. Второй оппонент — писатель и историк, друг А. С. Пушкина Александр Иванович Тургенев (1784–1845). Он часто ездил за границу для занятий в архивах и библиотеках, а также для встреч со своим братом декабристом Н. И. Тургеневым (1789–1871), заочно приговоренным к вечной каторге и вынужденным поэтому эмигрировать. В фонде И. А. Гульянова хранятся пять писем А. И. Тургенева, в которых последний сообщает о поездках по Европе в 1829–1833 гг.⁸⁴

В полемике, как уже упоминалось, принимал участие французский ориенталист Сильвестр де Саси (1758–1838), который вначале отрицал методику чтения египетских надписей, применяемую его соотечественником⁸⁵. Сомнения в этом вопросе сохранялись у него и позже.

⁷⁶ Д. [П. А. Вяземский]. Известие о книге: *Opuscules archéographiques*. М., 1826. С. 5, 10–12. См. также: «Московский телеграф». М., 1826, ч. 8. С. 44–52.

⁷⁷ А. М. *Opuscules archéographiques*, par M. Th. Ausonioli, Paris, 1824. — «Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie». P., 1826, vol. 5. P. 164–170. Русский перевод отзыва см.: А. М. Замечания Шампольона (так! — А. К.) на сочинение Г-на Гульянова; *Opuscules archéographiques*. — «Московский телеграф». 1827, ч. 13, отд. 1. С. 298–308.

⁷⁸ Томас Юнг (1773–1829) — английский врач, один из первых исследователей египетских иероглифических надписей.

⁷⁹ А. М. Замечания Шампольона на сочинение Г-на Гульянова... С. 305–306, 308.

⁸⁰ Ф. 390, ед. хр. 34, л. 75–99; ед. хр. 39, л. 252–284 (21 письмо Г.-Ю. Клапрота); ААН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32 (14 писем И. А. Гульянова).

⁸¹ Ф. 390, ед. хр. 2, л. 29. См.: И. А. Гульянов. *Essai sur les hiéroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la Cabale*. P., 1827. Рукопись см.: Ф. 390, ед. хр. 7.

⁸² *Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques, adressée à... Goulianoft*. P., 1827.

⁸³ ААН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32, л. 2, об.—3.

⁸⁴ Ф. 390, ед. хр. 41, л. 263–270.

⁸⁵ 20 июля 1815 г. С. де Саси в письме Т. Юнгу советовал «не слишком доверять своих открытий г. Шампольону. Может статься, что он потом будет претендовать на приоритет. Он пытается в нескольких местах своего труда уверить, что он прочел много слов в Розеттской надписи. Я очень боюсь, как бы тут не было шарлатанства». Цит. по: Е. Кагаров. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1914. С. 15.

В письме от 21 июня / 3 июля 1828 г. И. А. Гулянов сообщал Г.-Ю. Клапроту об опубликованной статье С. де Саси, в которой говорилось, что с помощью системы Ж.-Ф. Шампольона нельзя прочесть ни одного иероглифа⁸⁶. (Следует помнить, что эти отдельные примеры не дают полного представления об отношениях двух французских ученых.)

Переписка с Г.-Ю. Клапротом наиболее наполнена сведениями о Ж.-Ф. Шампольоне, но имя последнего встречается также в письмах, которыми И. А. Гулянов обменивался с названным выше Н. И. Гречем, французским лингвистом почетным членом РА (1824) Андреем Адольфом Мерианом (1772–1828), с А. Н. Олениным и др. 9 сентября 1823 г. И. А. Гулянов сообщал из Парижа Алексею Николаевичу Оленину (1763–1843) — директору Императорской публичной библиотеки, внесшему определенный вклад в развитие египтологии, — что вопрос о возможности приобретения «письма... Шампольона о звучных иероглифах» (речь идет о его работе «Обзор иероглифической системы») можно решить с секретарем австрийского посольства Гуммелауером, состоящим «в коротком знакомстве с г. Шампольоном» и знающим «подробности предметов, им объемлемых»⁸⁷.

В 1828 г. И. А. Гулянов писал Н. И. Гречу из Дрездена, что, пока Ж.-Ф. Шампольон «путешествует в Египте для созерцания и толкования памятников земли фараонской», он проводит время «в тщательном разбирании лжеобразных иероглифов» и в составлении «про странной книги»⁸⁸.

Пытаясь удовлетворить любопытство читателей, журнал «Телескоп» в начале 30-х годов поместил на своих страницах несколько публикаций, посвященных проблеме разгадки египетских иероглифов. Первой была опубликована статья, составленная на основании выдержек из работы аббата Греппа, изданной в Париже в 1829 г. и посвященной иероглифической системе Ж.-Ф. Шампольона⁸⁹. И. А. Гулянов откликнулся на нее «письмом к издателю "Телескопа"»⁹⁰, в котором продолжалась «схватка» двух ученых на «поприще, покрытом тьмой и исполненном преткновений» (так автор характеризовал начальный этап египтологии). В ответ на обвинение Ж.-Ф. Шампольона в отсутствии у И. А. Гулянова понятия «даже о первых началах коптской или египетской грамматики» последний порицал противника за то, что он «не разобрал еще ни одной строчки, историческое предание заключающей. Успел же он прочесть несколько имен и разобрать несколько чисел»⁹¹.

Обоюдная критика, одобренная солидной долей предубеждения и неприязни, отнимала много сил и времени у враждующих сторон. Между тем есть свидетельства, что отношения двух исследователей могли сложиться иначе, если бы были использованы возможные точки соприкосновения их. Выше говорилось, что И. А. Гулянов не отвергал стройности системы и таланта Ж.-Ф. Шампольона. Последний, в свою очередь, прислушивался к критическим замечаниям противника. Так, по словам И. А. Гулянова, противоречия, которые он нашел у Ж.-Ф. Шампольона и которые отметил в своей работе «Археографические опыты», французский ученый учел и «переправил их кое-как во втором издании тихомолком»⁹². Еще ранее, весной 1827 г., когда И. А. Гулянов приехал из Дрездена в Париж, к нему обратился географ Адриан Бальби (1782–1848), который просил у него копию одной из его работ для передачи братьям Шампольонам⁹³. При этом он отмечал, что братья «ничего не имеют» против И. А. Гулянова и «будут рады видеть» его⁹⁴. Последний в ответ на это приглашение

⁸⁶ ААН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32, л. 5.

⁸⁷ ОРГПБ, ф. 542, ед. хр. 1036, л. 1–1 об.

⁸⁸ РОИРЛИ, ф. 590, оп. 1, ед. хр. 64, л. 2.

⁸⁹ «Телескоп». М., 1831, ч. 2. С. 143–165.

⁹⁰ И. А. Гулянов. Замечания о Дендерском зодиаке. Письмо к издателю «Телескопа». 1831, ч. 4. С. 145–171. Отдельное издание этой работы см. в примеч. 43, Немецкий ее перевод: *Bemerkungen über den Thierkreis von Denderah, ein Sendschreiben an den Herausgeber der Zeitschrift «Teleskop», von J. v. Goulianos. Aus dem Russischen übersetzt von C. Goldbach.* Dresden, 1832. Отзыв о переводе см.: Ф. 390, ед. хр. 33, л. 59 об.; ед. хр. 35, л. 81–81 об.; ед. хр. 39, л. 225–226.

⁹¹ Гулянова замечания о Дендерском зодиаке... с 11, 15.

⁹² Там же. С. 11.

⁹³ Жак-Жозеф Шампольон-Фижак (1778–1867) принимал посильное участие в исследованиях младшего брата.

⁹⁴ ААН, ф. 783, оп. 2, ед. хр. 32, л. 10 об.

в письме на имя А. Бальби выразил свое сожаление по поводу того, что необходимый отъезд «лишает его оказанной чести»⁹⁵. Действительно ли И. А. Гулянов не мог встретиться с Ж.-Ф. Шампольоном, или он сознательно уклонился от этого, мы не знаем. Но сама возможность их свидания и стремление к этому французского египтолога говорят о его интересе к своему русскому оппоненту.

В начале 1832 г. Ж.-Ф. Шампольон скончался. Почти сразу же в «Телескопе» были напечатаны анонимные воспоминания о нем, в которых приводились его биография, предыстория его открытия, сведения о его полемике с рядом ученых, наконец, описание коллекции, привезенной им из поездки по Египту в 1824–1826 гг.⁹⁶

Полемика И. А. Гулянова с Ж.-Ф. Шампольоном разворачивалась на фоне усиленного внимания общественных кругов ряда стран к вопросам египтологии. «С того времени, — писал историк чл.-кор. АН по разряду восточной словесности и древностей (1810) Григорий Иванович Спасский (1784–1864), — когда остроумные изыскания Шампольона озарили столь ясным светом... древние памятники, они возбуждают живейшее внимание просвещенной Европы»⁹⁷. В России интерес к Египту проявляли профессора Петербургского университета Осип Иванович Сенковский (1800–1858) и Александр Васильевич Никитенко (1805–1877), декабрист Гавриил Степанович Батеньков (1793–1863), путешественник и собиратель древностей Авраам Сергеевич Норов (1795–1869), названные выше А. Н. Оленин, Г. С. Спасский и др. Теперь этот список можно пополнить именами П. Я. Чаадаева, М. П. Погодина, Н. И. Надеждина, Н. И. Греча, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева. Большинство из них по роду своих занятий не соприкасались с египтологией. Они стремились познаться с проблемой, которая далеко вышла за рамки специального научного вопроса. Не имея возможности разобраться в существе спора И. А. Гулянова с Ж.-Ф. Шампольоном, они гордились участием русского ученого в разработке столь важной темы, горячо поддерживали его деятельность. Ведя обширную переписку, оказывая помощь соотечественникам за границей, сотрудничая в русских журналах, сообщая о научных и литературных новостях, И. А. Гулянов всегда ощущал себя представителем российской науки. Он был постоянно связан с официальными лицами, держал их в курсе своих занятий и событий в зарубежной научной жизни и таким образом оказывал косвенное влияние на взгляды правительственных кругов на египтологию. Не случайно именно в этот период русским правительством были приобретены некоторые памятники (саркофаги, финские сфинксы) и рукописи Египта. В такой обстановке положительно, несмотря на затруднения и задержки, решилось дело о выделении ему «содержания» для продолжения его исследований.

В июне 1832 г. И. А. Гулянов уехал «в чужие края... для приведения к окончанию предпринятых им сочинений относительно иероглифов и археологии Египта»⁹⁸.

В 1832–1839 гг. он жил в Дрездене, получая через русскую миссию определенное ему денежное пособие. Отчеты о работе он посылал министрам просвещения: в 1832–1833 гг. — Карлу Андреевичу Ливену (1765–1844), а с 1833 г. — Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855).

Уехав за границу, И. А. Гулянов сохранил тесные связи с М. П. Погодиным и его журналом. Их переписка затрагивает широкий круг вопросов: здесь и «успехи отечественной словесности», и тематика «Телескопа», и организация журнального дела, и история русского языка, и сообщения о научных книгах⁹⁹. В 1832 г. в «Телескопе» появилась заметка о трудах русского исследователя, над которыми он «трудился с лишком 20 лет»¹⁰⁰. Он в это время занимался филологией, палеографией, криптографией, собирал материалы по древнеславянскому, китайскому, тибетскому, «индийскому, египетскому, эллинскому» и другим языкам.

⁹⁵ В письме И. А. Гулянова А. Бальби от 1827 г., копия которого была любезно прислана современным французским историком египтологии М. Лангом, речь шла также о признании П. А. Гуляновым при «несогласии в некоторых частях... открытий и талантов Шампольона».

⁹⁶ Воспоминания о Шампольоне-младшем. — «Телескоп» 1832, ч. 7 с. 604–616.

⁹⁷ Г. С. [Г. И. Спасский]. О древней египетской гробнице. — «Азиатский вестник». СПб., 1827, кн. 2. С. 117.

⁹⁸ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 6, 48–48 об. и др.

⁹⁹ Ф. 390, ед. хр. 33, л. 17–22; Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 127, 128, 176.

¹⁰⁰ Труды г. Гулянова. — «Телескоп». 1832, ч. 9. С. 267–270.

Все эти годы интересы И. А. Гулянова по-прежнему делились между египтологией и языкознанием. В 1832 г. он сообщил М. П. Погодину о своем новом труде, «новорожденном сфинксе», который в это время находился «в тисках»¹⁰¹. Он писал также, что Г.-Ю. Клапрот прислал ему «№№ 177–179 парижского журнала под заглавием "Le cabinet de Lecture", заключающие две первые статьи о трудах французского египтолога. Статьи сии отличаются беспристрастным благоразумием наблюдателя, излагающего свои сомнения с условиями и вопросами о надеждах новой науки»¹⁰². В январе 1833 г. в очередном отчете он известил К. А. Ливена о том, что «французское правительство нарядило ученую комиссию для рассмотрения последних трудов и изысканий знаменитого Шампольона»¹⁰³. Что касается занятий по языкознанию, то в этот период И. А. Гулянов пытался создать систему «естественных звуков человеческого голоса и их видоизменений по разным народам»¹⁰⁴. Об изучении, в частности, славянского языка он сообщал в письме писателю и дипломату Александру Скарлатовичу Стурдза (1791–1854)¹⁰⁵.

В 1837 г. И. А. Гулянов тяжело заболел, о чем в июне того же года представил в министерство народного просвещения свидетельство врачей¹⁰⁶. В дальнейшем болезнь прогрессировала и значительно замедлила ход его исследований.

В этот последний период жизни И. А. Гулянов близко сошелся с будущим профессором всеобщей истории Московского университета Тимофеем Николаевичем Грановским (1813–1855). Они познакомились в Дрездене в апреле 1838 г. и сразу прониклись взаимным уважением и симпатией. Т. Н. Грановский из-за этой встречи задержался в Дрездене на две недели. Они встречались ежедневно, вместе осматривали город, бывали в театрах и музеях. Обычно осторожный и подозрительный, И. А. Гулянов полностью доверился новому знакомому, охотно показывал ему свои бумаги и работы, позволял читать их, делать выписки, брать домой. Много часов провели они в беседах. Впечатления о русском ученом, его исследованиях и идеях отразились в письмах Т. Н. Грановского друзьям и единомышленникам: известному общественному деятелю Николаю Владимировичу Станкевичу (1813–1840), востоковеду Василию Васильевичу Григорьеву (1816–1881) и Януарию Михайловичу Неверову (1810–1893). Историка поражал объем знаний И. А. Гулянова, его любовь к науке. Он глубоко заинтересовался его идеями об образовании языков, предсказывал им в будущем большое «влияние», находил их ясными и убедительными, считая, что «здравый смысл на стороне автора» и что «издание всеобщей грамматики принесло бы большую... пользу науке». Вместе с тем он отмечал «мистические выходки» в его работах, неясность изложения материала, считал, что «над многими его идеями станут смеяться... но между ними есть такие, которые не во всякую голову влезут»¹⁰⁷.

Будучи в это время уже тяжелобольным, И. А. Гулянов жаловался Т. Н. Грановскому: «Более всего меня мучит мысль, что все это пропадет, когда я умру, в моих бумагах найдутся материалы, но привести их в порядок могу я один»¹⁰⁸.

Лето 1839 г. И. А. Гулянов провел во Франции, а зиму мечтал провести в Италии. «Путешествие в сей край, — писал он С. С. Уварову, — могло бы в то же время благоприятствовать моим занятиям посредством египетских древностей, заключающихся в музеумах Турина, Пизы и Рима и коих наблюдение доставило бы мне возможность сверить иерогли-

¹⁰¹ Очевидно, речь идет о работе «Les pyramides essai sur la langue et l'écriture hieroglyphiques». Сведений о ее издании найти не удалось. См. также: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4. С. 176.

¹⁰² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 128.

¹⁰³ Ф. 390, ед. хр. 33, л. 60; ед. хр. 36, л. 29–30.

¹⁰⁴ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. С. 313.

¹⁰⁵ РОИРЛИ, ф. 288, оп. 1, ед. хр. 174, л. 1.

¹⁰⁶ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 13–13 об.

¹⁰⁷ Подробнее об отношении Т. Н. Грановского к деятельности И. А. Гулянова см.: Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 1, М., 1897. с. 73, 326–329; 324; Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета. Воспоминания Я. М. Неверова. 1834–1856. — «Русская старина». 1880, ч. 27. С. 757; П. В. Анненков. Николай Владимирович Станкевич и его переписка. М., 1857 с. 242–243 и др.

¹⁰⁸ «Русский архив». 1873, кн. 4. С. 479–480.

фические надписи, извлеченные в книгах Шампольона»¹⁰⁹. Однако вначале из-за задержки разрешения, а затем в связи с ухудшением состояния здоровья он так и не совершил эту поездку.

Последней работой И. А. Гуляйнова стал «труд о символах египтян и смысле их священного языка», который он считал итогом своей египтологической деятельности. В конце 1839 г. в Лейпциге вышли в свет три тома этой работы, получившей название «Archéologie Egyptienne»¹¹⁰. В январе 1840 г. в качестве вознаграждения за издание автор получил от русского правительства 2860 руб.¹¹¹ В донесении царю подчеркивалось, что «труды Гуляйнова приобрели уже ему некоторую известность в ученом свете ... его теория иероглифов ... обратила на себя внимание»¹¹².

В апреле 1841 г. из Франкфурта-на-Майне, где в это время жил ученый, он послал последнее письмо С. С. Уварову, в котором писал о «бедственном здоровье» и о продолжении «археологических занятий». В ноябре того же года он переселился в Ниццу. Здесь он скончался 23 декабря 1841 г. (4 января 1842 г.).

В своей неоконченной работе «Археология Египта» И. А. Гуляйнов в последний раз выступил против Ж.-Ф. Шампольона. Объективно решить этот затянувшийся спор попытался член французской Академии надписей и изящной словесности Жюль Берже де Ксивре (1801–1863), который «принимал живое участие в знаменитых трудах Шампольона, но умел отдать справедливость и трудам нашего соотечественника»¹¹³. Он написал рецензию на последнюю работу И. А. Гуляйнова, однако содержание ее выходит за рамки обычного отзыва. Рецензент лестно отзывался о стиле данной книги, отмечал «ясность» изложения материала, отсутствие «тех оракульских слов, которые, своею темнотою закрывая пустоту, заставляют добрых людей находить глубину премудрости там, где одно только бессильное шарлатанство». По его словам, Ж.-Ф. Шампольон, когда слава его еще не была «оправдана наукой», «по необходимости повиновался критике» и из-за боязни ее «не всегда искренне сознавался в своих погрешностях». Рецензент порицал французского ученого за то, что тот отвергал у своего русского коллеги даже «дельное и умное», даже те объяснения, которые подтверждались фактами. Подводя итог «раздраженной старинной перебранке», автор отзыва писал, что «теперь дело кончено, и... ни та ни другая сторона не остались в долгу». В заключение он призывал И. А. Гуляйнова в последующих частях своей работы не столь придиричиво придерживаться системы «опровержения ошибок Шампольона» и предлагал ему свои услуги в качестве корректора готовящихся томов¹¹⁴.

Однако, как отмечалось выше, смерть помешала И. А. Гуляйнову завершить этот труд¹¹⁵.

В 1849 г. в печати появилась статья, посвященная «памяти И. А. Гуляйнова, первого русского египтолога». Автор ее, известный ориенталист Павел Степанович Савельев (1814–1859), попытался изложить историю полемики ученых вокруг египетских иероглифов. По его словам, «как все великие таланты, Шампольон и при жизни и по смерти имел рьяных противников; одни из них оппонировали по убеждению, другие из зависти к успеху его системы. К первым принадлежат Гуляйнов, Зейфарт, Дюжарден, Сольт, к последним — Клапрот», причем «Гуляйнов был долгое время полезен Шампольону своею систематическою полемикою»¹¹⁶.

В дрезденский период жизни И. А. Гуляйнов как ученый имел широкое признание. Как отмечалось, его идеи поддерживали М. П. Погодин, Т. Н. Грановский, Н. И. Надеждин,

¹⁰⁹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 27–27 об.

¹¹⁰ Там же, л. 23, 29; «Русский архив». 1873, кн. 4. С. 480.

¹¹¹ ЦГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 38–40, 66.

¹¹² Там же, л. 6 об.

¹¹³ Некролог. Иван Александрович Гуляйнов. — «Маяк». СПб., 1843, т. 9. С. 54.

¹¹⁴ [П. Коншин] (пер.). Archéologie Égyptienne... par M. de Goulianos... Vol. 1, 2, 3. Leipsik, 1839 (ст. B. de Xivrey); «Маяк». 1840, ч. 11. С. 132–140.

¹¹⁵ В фонде И. А. Гуляйнова сохранились материалы по египтологии: «Алфавитная таблица коптских слов, встречающихся в записках по египтологической грамматике Шампольона», ст. «О языке и словописании египтян» и др. (Ф. 390, ед. хр. 3, 4, 49 и др.).

¹¹⁶ П. С. Савельев. Иероглифы. — «Северное обозрение». 1849, № 5. С. 461–487.

А. Гумбольдт, В. В. Ганка и др. «Глубокое уважение» к его трудам выражал знаток древностей Дмитрий Николаевич Толстой (1806–1884). Высоко оценивали его занятия российские дипломаты: посланник во Франкфурте Петр Яковлевич Убри (1774–1847), посланник в Берлине Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863) и посол в Вене Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845). В литературе и переписке этого времени отмечались его «отменное просвещение» и «удивления достойные сведения», «неутомимое трудолюбие» и «редкие душевные качества»¹¹⁷. Особенно важны положительные отзывы о деятельности И. А. Гулянова, данные французскими ориенталистами: академиком Э.-Ф. Жомаром (1777–1862), пытавшимся расшифровать надписи, найденные им в Египте, секретарем Азиатского общества Ж.-А. Ремюза (1788–1832), академиком-санскритологом Е. Бюрнуфом (1801–1852), членом Института Франции Р. Рошеттом, Ж.-Б. де Ксивре и др.

Сразу после смерти И. А. Гулянова в журнальных статьях высказывалось беспокойство о его рукописном наследии и надежда на то, что «приобретена будет эта драгоценность и для чести русского имени издадут все труды славного русского ученого»¹¹⁸.

В последующие десятилетия его имя почти исчезло из истории отечественной науки. Деятельность его была забыта, учеников он не имел, судьба его незавершенных работ была неизвестна, рукописи считались погибшими¹¹⁹.

Между тем И. А. Гулянов позаботился о сохранении своего архива, заключив договор с А. И. Барятинским. Будущий генерал-фельдмаршал Александр Иванович Барятинский (1815–1879)¹²⁰ в 1836–1838 гг. находился за границей для лечения раны, полученной на Кавказе. Во время этой поездки он познакомился с И. А. Гуляновым. 27 июля 1840 г. они подписали соглашение о передаче в случае смерти последнего всех его рукописей и библиотеки в собственность А. И. Барятинского¹²¹. После кончины А. И. Гулянова его бумаги долгие годы хранились среди материалов князей Барятинских и, возможно, поэтому считались потерянными. В настоящее время они выделены в фонд № 390, который хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея в Москве.

Библиотека И. А. Гулянова, «обширная и хорошо составленная», содержала 3 тыс. трудов по языкам и литературе ряда народов, а также книги по философии, истории, праву, политическим наукам, естествознанию, медицине, искусству на славянских, западноевропейских и восточных языках периода 1517–1841 гг.¹²² Среди них были редкие издания и, что особенно важно, рукописи и художественные произведения¹²³. Библиотека также перешла в собственность А. И. Барятинского; дальнейшая ее судьба неизвестна.

Сохранившиеся материалы И. А. Гулянова интересны для нас прежде всего в том аспекте, о котором писал еще П. А. Вяземский. Знаток русской литературы и ее чуткий критик, он, беспокоясь о судьбе бумаг И. А. Гулянова, отмечал: «Нет сомнения, что в них много любопытного. Он был и трудолюбив, и находился в близких отношениях со многими современными известностями и знаменитостями»¹²⁴. В его фонде находится обширная по объему и весьма разнообразная по содержанию переписка со многими государственными и общественными деятелями, учеными, журналистами, литераторами, поэтами России и Западной Европы. Изучение этого эпистолярного наследия и публикация его наиболее ценной части

¹¹⁷ Ф. 390, ед. хр. 33, л. 44; ед. хр. 34, л. 108–110; ед. хр. 35, л. 30; ед. хр. 36, л. 106, 115; ЦГИА, ф. 735, оп. 2, ед. хр. 33, л. 59 об.; Н. [В.] Савельев. Шампольон и его противник Авзониоли (Гулянов). — «Маяк». 1840, ч. 2. С. 28–32.

¹¹⁸ Некролог... С. 56.

¹¹⁹ «Русский архив». 1873, кн. 4. С. 480 (примеч. П. Б. [Петра Ивановича Бартенева]). См. также: «Исторический вестник». СПб., 1897, т. 68. С. 139.

¹²⁰ По другим сведениям, годы его жизни: 1814–1876.

¹²¹ Ф. 390, ед. хр. 1, л. 132–133, 137; Д. И. Романовский. Генерал-фельдмаршал кн. Александр Иванович Барятинский и Кавказская война, 1815–1879. — «Русский вестник». 1881, т. 30. С. 266.

¹²² Ф. 390, ед. хр. 48, 49 (Каталог библиотеки И. А. Гулянова). См. также: Н. Brugsch. Reise der k. preussischen gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861... Lpz., 1862. С. 86.

¹²³ В фонде И. А. Гулянова сохранился альбом рисунков тушью и акварелью под названием «Индусская мифология в миниатюрах» (Ф. 390, ед. хр. 53).

¹²⁴ П. А. Вяземский. Несколько слов о г. Гулянове... С. 217. См. также: «Русский архив». 1882, кн. 6. С. 154.

несомненно даст новые факты, события, имена, связанные с историей общественно-политической, научной и литературной жизни нашей и зарубежных стран.

Что касается оценки научной, прежде всего египтологической, деятельности И. А. Гулянова, то по этому вопросу в советской литературе нет единого мнения¹²⁵.

Ни одна из его характеристик не подтверждена фактическими материалами, поскольку никто из авторов специально не занимался этой темой. Наиболее конкретное и объективное, хотя и краткое изложение взглядов И. А. Гулянова как египтолога приведено в работе Б. А. Тураева «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г.»¹²⁶ В ней отмечено, что И. А. Гулянов первым попытался разобрать иероглифическую часть «знаменитой розеттской надписи», «опираясь на коптский язык». Он «признавал символический характер письма, но не отвергал и фонетического значения. После того как великий Шампольон, преодолев все сомнения и пройдя через ряд многих продолжительных колебаний, окончательно установил свою систему, Гулянов и его ученый единомышленник, академик Клапрот, оказались его упорными противниками. Взаимная продолжительная полемика, несмотря на свою кажущуюся непримиримость, не прошла, однако, бесследно для обеих сторон». Отметив ошибки И. А. Гулянова, Б. А. Тураев утверждал, что «в 1827 г. он был готов пойти навстречу Шампольону. Его научные интересы были разносторонни и касались разнообразных отраслей языкознания... его работы пользовались уважением в ученом мире; написанные по-русски даже переводились»¹²⁷.

Приведенные выше сведения позволяют утверждать, что И. А. Гулянов был человеком, посвятившим себя исключительно науке, честно стремившимся достичь истины. Перед нами трагедия ученого, занимавшегося исследованием вопросов, окончательное решение которых оказалось ему не под силу. Его рукописное наследие имеет несомненное значение для истории отечественной науки, предоставляя в распоряжение современных лингвистов, историков и литературоведов ценный фактический материал, давая представление о путях развития ряда научных проблем и, что особенно важно, отражая взаимное влияние и теснейшие связи передовой общественной и научной мысли России в первой половине XIX столетия.

¹²⁵ А. В. Шмидт. Развитие египтологии в России.—«Наука и ее работники». 1922, № 3–4. С. 15; Т. Козьмина-Бороздина, Развитие египтологии в России. — «Новый Восток». 1923, кн. 3. С. 344–347; Б. А. Тураев. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. Л., 1927. С. 3–4; А. В. Мачинский. Переписка Ж.-Ф. Шампольона с А. Н. Лениным. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.–Л., 1934, № 4. С. 73; И. Г. Лившиц. Дешифровка египетских иероглифов. — Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. [Л.], 1950. С. 229–230; И. С. Кацнельсон. Материалы для истории египтологии в России. — «Очерки по истории русского востоковедения». Сб. 2. М., 1956. С. 222–221.

¹²⁶ Б. А. Тураев ошибочно называет Гулянова Павлом (!) Александровичем.

¹²⁷ Б. А. Тураев. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г. С. 3–4.